

Научная статья / Research Article

УДК 94 (571.6)

DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-126-141

Андрей Александрович Гринько

Дальневосточный государственный аграрный университет, Амурская область, Благовещенск, Россия, andrey2007-85@mail.ru

**ПОЛОЖЕНИЕ МУЖЧИНЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ
ПЕРИОДА «ПОЗДНЕГО» СОЦИАЛИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РСФСР)**

Целью настоящей статьи является изучение трансформации положения мужской части дальневосточного сельского населения в 1970-х и первой половине 1980-х годов, а задачами – анализ жизнедеятельности мужчин в условиях советской модернизации и рассмотрение их роли в сельском социуме востока страны. В ходе исследования были использованы как исторические, так и общенаучные методы. Методы конкретно-исторического анализа сочетались со сравнительно-историческим, проблемно-хронологическим, статистическим и другими методами. Исследование велось на принципах конкретно-исторического подхода, критической интерпретации источников, систематизации и деполитизированности. Опираясь на широкий круг архивных и статистических источников, материалы периодической печати, автор рассматривает демографические процессы в сельской местности восточной части РСФСР, профессиональную структуру сельчан, особенности жизни в дальневосточных селах, доходы и распределение времени, проблемы и явления, прямо затрагивавшие мужскую часть сельского общества. Выявляется зависимость поведения мужчин от качества жизни в сельских населенных пунктах, а также перемены в семейных отношениях, утрачивающих свою консервативную основу. Особую ценность представляют высказывания самих сельчан о своей жизни в рассматриваемый период. В качестве выводов можно отметить, что под влиянием комплекса разноплановых тенденций, активно воздействующих на мужчин, происходило изменение традиционных ролей и дестабилизация их жизни в сельской местности. Ускоренное вовлечение деревни в процессы модернизации, сопровождаемые «урбанизацией» сознания, приводило к формированию «городского» мышления и проявлялось в оттоке наиболее активной и квалифицированной части мужчин в крупные населенные пункты.

© Гринько А.А., 2022

Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1. С. 126–141.

Socio-economic and humanitarian journal of Krasnoyarsk SAU. 2022;(1):126–141.

Ключевые слова: Дальний Восток, сельское население, «поздний» социализм, сельский социум, мужчины

Для цитирования: Гринько А.А. Положение мужчины в сельской местности периода «позднего» социализма (на примере Дальнего Востока РСФСР) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1. С. 126–141. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-126-141.

Andrey Alexandrovich Grinko

Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk, Russia,
andrey2007-85@mail.ru

A MALE POSITION IN THE RURAL AREA IN THE "LATE" SOCIALISM PERIOD (BY THE RSFSR FAR EAST EXAMPLE)

The purpose of research is to study the transformation of the position of the male part of the Far Eastern rural population in the 1970s and the first half of the 1980s, and the tasks are to analyze the life of men in the conditions of Soviet modernization and consider their role in the rural society of the east of the country. During the study, both historical and general scientific methods were used. Methods of specific historical analysis were combined with comparative historical, problem chronological, statistical and other methods. The study was conducted on the principles of a concrete historical approach, critical interpretation of sources, and systematization of ideological politicization. Based on a wide range of archival and statistical sources, materials of the periodical press, the author examines the demographic processes in the rural areas of the eastern part of the RSFSR, the professional structure of the villagers, the characteristics of life in the Far Eastern villages, income and time distribution, problems and phenomena that directly affected the male part of rural society. The dependence of men's behavior on the quality of life in rural areas is revealed, as well as changes in family relations that are losing their conservative basis. Of particular value are the statements of the villagers themselves about their lives in the period under review. As a conclusion, it can be noted that under the influence of a complex of diverse trends that actively affect men, there was a change in traditional roles and destabilization of their life in rural areas. The accelerated involvement of the village in the processes of modernization, accompanied by the "urbanization" of consciousness, led to the formation of "urban" thinking and was manifested in the outflow of the most active and qualified part of men to large settlements.

Keywords: Far East, rural population, "late" socialism, rural society, men

For citation: *Grinko A.A.* The position of a man in the countryside during the period of "late" socialism (on the example of the Far East of the RSFSR) // Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2022. No. 1. S. 126–141. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-126-141.

Введение. Эволюция положения мужчины в историческом контексте занимает важное место при изучении той или иной эпохи. Особенности жизнедеятельности «сильного» пола, взгляды и потребности, отношение к семье, карьере и месту жительства были нередко связаны с масштабными изменениями в жизни государства и общества. На этом фоне период так называемого «позднего» социализма, пришедшийся на 1970-е и первую половину 1980-х годов, при всей своей внешней стабильности был крайне противоречивым. Модернизационные процессы, охватившие все сферы жизни, оказывали влияние не только на население городов, но и на жителей сельской местности, приводя к быстрому слому прежних установок и формированию нового «урбанизированного» сознания. Ускорившееся течение жизни не обошло стороной мужскую часть населения Дальнего Востока, исторически выступавшую основой сельского социума. Пристальное внимание центральной власти к востоку страны, аграрной сфере и жителям сел сочеталось с глобальными тенденциями, характерными для всего государства, и накладывалось на местные природно-климатические и иные особенности региона.

Жизнедеятельность населения дальневосточной деревни в период «позднего» социализма стала предметом научного изучения уже в последние годы существования СССР [1, 2]. Несмотря на идеологический налет и некоторую односторонность оценок, вышедшие работы послужили основой для дальнейших исследований. В постсоветский период на фоне повышения интереса к локальной истории дальневосточные ученые продолжили изучать эволюцию села и его жителей с учетом принципа деидеологизации [3, 4]. Тем не менее, целый ряд аспектов жизни, трудовой деятельности, поведения сельчан-дальневосточников и в особенности положение мужской части в 1970-х и первой половине 1980-х годов остается малоизученным и нуждается в дальнейшем рассмотрении с современных позиций. Актуальность изучения жизнедеятельности мужчин усиливается пониманием того, что выступая основным трудовым ресурсом для аграрной сферы в рассматриваемый период, они играли важную роль в экономике восточной части страны, являлись донорами для других отраслей и источником пополнения городского населения.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение трансформации положения мужской части дальневосточного сельского населения в 1970-х и первой половине 1980-х годов, а задачами – анализ жизнедеятельности мужчин в условиях советской модернизации и рассмотрение их роли в сельском социуме востока страны.

Методы исследования. В ходе исследования были использованы как исторические, так и общенаучные методы. Методы конкретно-исторического анализа сочетались со сравнительно-историческим, проблемно-хронологическим, статистическим и другими методами. Научное исследование велось с учетом принципов критической интерпретации источников, сравнительного анализа данных и деполитизированности.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1970-х и первой половине 1980-х годов сельское население Дальнего Востока росло, что было нехарактерно для общереспубликанской ситуации. За указанный период оно увеличилось с 1 млн 633 тыс. до 1 млн 760 тыс. человек. Тем не менее, на фоне более быстрого роста городского населения удельный вес сельчан снижался и к середине 1980-х годов составлял немногим более 23 % [1].

Демографическая структура дальневосточного сельского социума была более благоприятной, чем в целом по стране. Относительно высокий уровень рождаемости и приток молодых переселенцев приводили к тому, что молодежь составляла значительную долю населения. Так, в 1979 году 66,1 % сельчан мужского пола относились к трудоспособному населению Амурской области, а 27,1 % были моложе основной части мужчин. Примерно такая же картина была и по остальным регионам Дальнего Востока [5]. Средний возраст не превышал 31 год, что объясняло сравнительно низкую смертность [6].

Соотношение между мужчинами и женщинами в регионе было более сбалансированным, чем в рамках всей республики, и составляло примерно 1:1. Однако по отдельным возрастам ситуация отличалась. В частности, по данным переписи 1979 г., на тысячу сельских мужчин от 16 до 29 лет приходилось от 735 до 806 женщин [7]. Постепенно это соотношение «разворачивалось» в пользу женщин и приводило к двойному превышению численности «слабого» пола в пожилом возрасте.

В предшествующие десятилетия мужчина, благодаря наличию образования и пройденной военной службе, имел возможность занимать основную часть должностей и выбирать любую из востребованных и хорошо оплачиваемых профессий. Женщины, несмотря на пропаганду полового равенства, обладали меньшими возможностями в силу своей физиологии, временных затрат на домашний быт и воспитание детей, сохранения предрубеждений.

К рубежу 1960–1970-х годов работа в сельскохозяйственной отрасли, как и ранее, продолжала являться основным занятием мужчин-дальневосточников, которые составляли около 60 % всех аграрных работников региона. В абсолютных цифрах численность аграриев росла.

Если в 1975 г. сельским хозяйством занимались 186,4 тыс. дальневосточников, то в 1983 г. – 195,9 тыс., или на 5,1 % больше [8]. Этот рост происходил за счет создания новых совхозов и активной переселенческой политики.

В мужских руках продолжали находиться основные должности руководителей и специалистов хозяйств. Так, в 1985 году из 65 председателей колхозов Амурской области только две должности были заняты женщинами, из 240 инженеров и техников – 32, из 179 бригадиров в растениеводстве – ни одной. В совхозах была подобная картина. Из 148 директоров только 5 были женщинами [9].

Разумеется, мужчины были заняты не только на высших руководящих должностях. Работы, связанные с техникой и механизмами, погрузочно-разгрузочные операции, пастьба скота, опасные и вредные для здоровья виды труда были мужской обязанностью. Если в предвоенные и послевоенные годы политика государства была направлена на равенство обоих полов в трудовой деятельности, что приводило к появлению женских тракторных бригад, популяризации среди женщин профессии водителя и комбайнера, то в рассматриваемый период они фактически защищались властью от тех работ, которые могли повлиять на их здоровье и материнство.

Особую категорию составляли мигранты, прибывающие в дальневосточные села в рамках сельскохозяйственного переселения или самостоятельно. Значительная их часть являлась мужчинами, многие из которых переселялись с семьями, но были и одиночки. Среди переселенцев преобладали представители механизаторских профессий – тракторист, шофер, бульдозерист.

Далеко не все переселенцы имели аграрный опыт, немалая часть ранее проживала в городской местности и работала в несельскохозяйственных отраслях западной части страны. Стремление к более высокому доходу, надежда на получение нового жилья, активная государственная агитация и определенный романтизм способствовали миграции в южную часть региона.

Мужчины-аграрии были заняты напряженной деятельностью весь год, а их трудовая нагрузка была выше, чем по стране в целом. Так, в середине 1980-х годов нагрузка на одного механизатора в Амурской области составляла 130 гектаров пашни, что на 30–40 % превышало республиканский уровень. Проведенный в середине 1980-х годов опрос дальневосточных аграриев показал, что более половины респондентов недовольны такой ситуацией, усугубляемой продолжительностью рабочего дня, особенно летом, отсутствием выходных и летних отпусков. Деятельность в других отраслях народного хозяйства была более комфортной, поскольку интенсивность труда относительно равномерно распределялась в течение всего года, имелись еженедельные выходные дни и

отпускной период, который по согласованию с руководством можно было выбрать в наиболее удобный сезон.

Осознавая необходимость компенсации тяжелого труда в дальневосточном сельском хозяйстве, советская власть ежегодно увеличивала заработную плату в регионе. Ее величина была примерно на 50 % выше, чем по РСФСР, а динамика была явно положительной – с 155,5 руб. в 1970 г. до 285,1 руб. в 1985 г. [10]. Тем не менее, преимущество в уровне зарплаты мужчин-аграриев относительно заработков в республиканской сельскохозяйственной отрасли постепенно нивелировалось. А в сравнении с зарплатами в ряде отраслей дальневосточной экономики преимущество отсутствовало как таковое. Так, в 1980 году в Приамурье средняя зарплата в сельском хозяйстве составляла 193 руб. в месяц, а в промышленности – 213. В 1985 году соответственно 227 и 242 руб. [11].

Ряд профессий аграрной сферы, занятых исключительно мужчинами, относился к разряду высокооплачиваемых. В первую очередь это были механизаторы – трактористы-машинисты, трактористы и комбайнеры. Заработок этой категории незначительно отличался от оплаты труда главных специалистов. Образованные мужчины, связанные с техникой, имели первостепенное значение в совхозах и колхозах, а следовательно, обладали определенной «привилегированностью». При распределении нового жилья, дефицитных товаров и премий они были в приоритете. Противоположной группой являлись мужчины, связанные с конно-ручным трудом. Поскольку такой труд хоть и являлся тяжелым, но не предполагал наличия серьезного образования, квалификации и опыта, то оплачивался невысоко (от 75 руб. в начале 1970-х до 130 руб. в середине 1980-х годов), а сами работники получали какое-либо поощрение лишь по остаточному принципу [12].

Несмотря на то что значительная часть мужчин, проживавших в сельской местности, в рассматриваемый период продолжала трудиться в аграрной сфере, в 1970-е годы стала прослеживаться тенденция полузанятости. Понятия «перспективности», «удобности» и «выгодности» работы все больше определяли трудовую деятельность мужчины. Широкий спектр мест приложения своего труда, хоть и ограниченный барьерами административно-командной экономики, способствовал мобильности мужского населения как в пределах собственно сельской местности, так и в рамках всего региона. Заработная плата, стимулирование передовиков, условия труда, отношения в коллективе, внимание начальства – все это и многое другое влияло на выбор места работы. «Сильный» пол мог проживать в деревне, но выезжать на работу в близлежащий поселок или город, трудиться в железнодорожной, лесной, строительной или энергетической сфере. Постепенно складывалась ситуация, при которой все большее число мужчин лишь номинально относилось к сельчанам. В первую очередь это касалось работников механизированного труда, которые считались наиболее ценным трудовым ресурсом в

аграрной сфере. Каждый пятый механизатор увольнялся из дальневосточных хозяйств в течение года, что было чаще, чем на республиканском уровне. При этом отток увольнявшихся работников не компенсировался вновь принятыми кадрами. В частности, в 1980 г. в совхозы Приамурья было принято 2332 трактористов-машинистов, а уволились 2456. В этом же году в хабаровские хозяйства трудоустроился 1081 тракторист-машинист, а выбыли – 1194. За 1982 г. в совхозах Приморского края стали работать 2216 новых трактористов-машинистов, но уволились – 2297 [13].

В отношении новоселов ситуация была не лучше. По прошествии 5 лет проживания в регионе закреплялось не более четверти мигрантов, а в сельской местности темпы выбытия были еще выше: через 3 года после переселения оставалось лишь 17–19 % приехавших, через 5 лет – от 3 до 9 % [14]. Недостаточное количество квалифицированных мужчин в аграрной сфере при росте числа совхозов, осложняемое оттоком в другие отрасли, а также переезд в городскую местность, вызывали перманентный дефицит кадров.

Отход от традиционности и активное проникновение городских тенденций в сельскую среду приводили к изменениям в семейном статусе мужчины. В предшествующие десятилетия он в большинстве случаев являлся создателем семьи, был главным тружеником и кормильцем, его авторитет среди домочадцев был наиболее весомым, а мнение – определяющим. Женщина находилась на вторых позициях, занимаясь организацией домашнего быта и уходом за детьми. На рубеже 1960–1970-х годов мужчина продолжает оставаться важной фигурой, пополняющей семейный бюджет. Одновременно наблюдается тенденция «феминизации» кадров, то есть приобщение женщин к полноценной трудовой деятельности. Об этом свидетельствует увеличение удельного веса женщин в составе работников совхозов Дальнего Востока с 38 до 45 % [5].

Получая личную зарплату, имея отпуск и пенсионное обеспечение, государственную поддержку материнства, женщины все менее зависели от мужского пола. Усиление женских позиций привело к так называемому «кризису маскулинности», связанному со снижением роли мужчины как финансового лидера и направляющей силы в семье. К концу 1970-х годов сельские мужчины продолжали опережать женщин по уровню образованности, однако этот разрыв перестал быть значительным. Так, в 1979 году в расчете на тысячу человек 663 мужчины и 616 женщин имели высшее образование [6].

В период «позднего» социализма немало женщин становятся инициаторами создания семьи. Повышающийся уровень образования и общей культуры вызывал рост требований к мужчине, его статусу, внешности и интеллекту, перспективности и ценности для женщины. Женская терпимость по отношению к спутнику мужского пола и боязнь одиночества, характерные для предшествующего времени, постепенно исчезали.

«Урбанизация» сознания обоих полов, новые жизненные приоритеты и меняющаяся среда жизнедеятельности способствовали дестабилизации семейных отношений. Так, в 1970 году в сельской местности Приамурья на 1000 браков регистрировалось 111 разводов, в 1975-м – уже 160, а к середине 1980-х годов – 272 [6]. На Дальнем Востоке число разводов было большим, чем по республике.

В большинстве случаев рост разводимости был вызван инициативой женщин. Однако причиной этой инициативы нередко становились обстоятельства, прямо связанные с супругом. Измена мужчины, сексуальные сложности, грубое отношение, вредные привычки – эти и другие проблемы приводили к расторжению брака или распаду неформального союза. Если в предшествующие десятилетия вышеназванные недостатки воспринимались как данность, с которой нужно было мириться, то теперь мужчина не являлся абсолютом для женщины. Смена его на другого человека, более комфортного и достойного, постепенно становилась нормой и все меньше воспринималась сельским обществом как нечто позорное или осуждаемое.

Несмотря на сохранение традиции вступления в официальный брак, все большее распространение начинают приобретать неформальные союзы. Косвенно об этом свидетельствуют данные статистики, показывающие сокращение числа регистрируемых браков на рубеже 1970–1980-х и последующих годов. Мужчины, вступающие в раннюю половую жизнь, не заинтересованные во взятии на себя каких-либо обязательств и не стремящиеся к воспитанию детей-иждивенцев, все более склоняются к сожителству. Это воспринимается как удобная форма совместной жизни, устраивающая партнеров и не вызывающая сложностей в случае прекращения отношений. Разумеется, что в городской среде эта практика получила намного большее распространение, но и в сельской местности она имела значительные масштабы. Государственные меры воздействия, например 6 %-й налог на бездетность, оказывались неспособны повлиять на ситуацию. В письмах в редакции газет неравнодушные сельчане с сожалением отмечали, что «немало в последнее время появилось молодых мужчин и женщин, довольных своей одинокой (они говорят – свободной) жизнью. Молодость одна, к тому же быстротечна, так хочется прожить ее повеселее, без всяких там забот» [15].

В сравнении с городской средой свободное время мужчин в сельской местности Дальнего Востока было неравномерно распределено в течение года, что было вызвано спецификой деревенской жизни. В наиболее удобное для отдыха летнее время большинство мужчин было безотрывно занято работой в аграрной отрасли.

9 из 10 мужчин, проживавших на селе и имевших семью, к началу 1970-х годов сохраняли личное подсобное хозяйство (далее – ЛПХ), которое требовало постоянного приложения сил и времени. При этом постепенно происходила внутренняя перестройка личного подворья. Мо-

лодежь, пенсионеры и часть трудоспособного населения отказывались от трудоемких дел, в частности, от содержания крупного скота, ограничиваясь земледелием и разведением мелкой живности. Такая тенденция была вызвана не только ростом материального благосостояния в виде зарплат, пенсий и пособий, но и психологической перестройкой сельчан, в особенности мужчин. Желание иметь больше свободного времени для отдыха, развития и развлечений вступало в конфликт с традицией сохранения большого подворья.

Развитие инфраструктуры, проявлявшееся в строительстве бытовых и культурных объектов, учреждений образования и здравоохранения, появление нового жилья не могло не улучшать деревенскую действительность. Возможность «сбросить» с себя часть забот по бытовой рутине, не заниматься ежегодным ремонтом дома, привозом воды и протопкой печи закономерно приводили к увеличению свободного времени. В ряде дальневосточных сел оно могло заполняться спортом, культурным отдыхом, получением дополнительного образования, наконец, прогулками в благоустроенных парках и скверах. Многие зависело от развитости населенного пункта, наличия совхоза или колхоза, активности людей и местной власти.

В 1981 году газета «Амурская правда» писала о том, что в Доме культуры совхоза «Зейский» местные молодые жители захотели организовать дискотеку вместо инструментального ансамбля, который их совершенно не устраивал. На дискотеке с магнитофона стали звучать композиции «Битлз», Элтона Джона, диско-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», работала светомузыка, и новый формат отдыха понравился молодежи [16]. В селе Раздольное, благодаря совхозу «Партизан», был построен стадион и комплексные спортплощадки на отделениях, появился тир для стрелков и сдачи норм ГТО, оборудованные места для занятий секций тяжелой атлетики, вольной борьбы, настольного тенниса. Однако в большинстве сельских населенных пунктов возможностей для времяпрепровождения вне работы, отвечающего современным веяниям, для мужчин было крайне мало.

Разумеется, люди находили себе занятия в свободное время, невзирая на слаборазвитость многих деревень. Многолетней традицией были «посиделки» на лавочках перед домами или на скамьях под самодельными навесами, где обсуждались различные темы, от погоды до политики. Здесь же играли в настольные игры, как правило, домино, лото или шашки, делились советами, вспоминали прошлое. Рыбалка или охота были характерны для многих мужчин, а фотодело, моделирование и изобретательство стали новыми явлениями, охватившими наиболее молодую и прогрессивную часть жителей.

Большую популярность среди мужчин на селе приобрел транспорт. Ранее иметь собственную технику могли себе позволить лишь единицы, но в рассматриваемый период мопеды, мотороллеры и мотоциклы мас-

сово появлялись в дальневосточных деревнях. Если в начале 1970-х годов одна единица мототехники приходилась в среднем на четыре сельские семьи, то к середине 1980-х годов обеспеченность увеличилась вдвое [3]. Такие марки, как «Рига», «Карпаты», «Урал», «Иж», «Верховина» и другие, стали знакомы не только взрослым мужчинам, но и подросткам. Только в 1975 году в Тамбовском районе Амурской области населению было продано около 200 мотоциклов и мотороллеров [17].

Вышеназванные новации были распространены среди работников, связанных с техникой, и руководящей части сельчан, которые, в силу своего положения, обладали соответствующими возможностями.

Молодые мужчины воспринимали недостатки сельской местности более остро, чем люди старшего возраста. Бывая в городе, они сравнивали жизнь в нем с деревенской действительностью. Несмотря на то что деревня была родным домом, где жили близкие и знакомые люди, был чистый воздух и красивая природа, эти преимущества играли вторичную роль. Уровень доходов и особенно имевшаяся инфраструктура не соответствовали быстро растущим потребностям сельчан, резко контрастировали с городской средой. В 1980-е годы водоснабжение имели лишь 20 % сельских квартир региона, канализацию и центральное отопление – 15 %, а горячей водой снабжалось всего 5 % квартир [18]. Нехватка и низкое качество новостроек, а также перманентные трудности с получением бытовых услуг, сложности с транспортной доступностью и многое другое определяли выбор молодежи.

На этом фоне в газетных публикациях нередко встречались переживания пожилых родителей о будущем своих детей. Так, одна из матерей совхоза «Первомайский» Амурской области спрашивала сына, вернувшегося из армии: «Как дальше думаешь жизнь устраивать, сынок? В город не потянуло? А то нынче многие бегут от земли» [19].

Беспокойство за судьбу села без молодежи было повсеместным: «Кадров на селе не хватает, а молодежь не задерживается в родных местах»; «до службы в армии год-два еще и тянут, а там – поминай, как звали»; «в социально-культурном плане мы не можем ничего предложить молодым» [20].

Подобные мысли в корне отличались от установок идеологической политики государства, которая пропагандировала откровенно утопичный образ советского человека, готового «активно участвовать в построении коммунизма; с развитым патриотизмом и коммунистическим отношением к труду...». Реальность была совершенно иной.

Ежегодно тысячи деревенских парней проходили обучение через систему профессионального образования и получали профессии, связанные с машинами и механизмами. Так, в десятой пятилетке (1976–1980 гг.) сельские профтехучилища Приморского края готовили ежегодно 14 тысяч механизаторов, животноводов, мелиораторов, но обеспеченность кадрами все равно не превышала 86 % [21]. В первой половине

1980-х годов в Приамурье сельские профтехучилища ежегодно выпускали в среднем 4 тыс. человек, большую часть из которых составляли представители мужского пола.

Однако многие мужчины трудоспособного возраста, занятые в аграрной сфере, не могли в полной мере реализоваться на селе, им доставалась тяжелая работа, нередко не соответствующая их образованию и квалификации, закреплялась старая техника, отсутствовал карьерный рост.

При этом они могли без особых сложностей начать трудовую деятельность в другой сфере как на селе, так и в городе. Нередко альтернатива была более выгодной в отношении зарплаты, условий труда, степени развитости социальной инфраструктуры.

Немало мужчин стремилось переселиться в город по причине слабых мер реализации государственной поддержки и неэффективной деятельности местного руководства. Можно процитировать характерное обращение в региональные партийные органы, описывающее управленческие недостатки: «наглядится мой старший сын на такое бездушное отношение к семье в нашем совхозе, да и по примеру других парней махнет в город, побоится обзаводиться семьей здесь в деревне» [22].

Отъезд из деревни в город означал не только появление новых возможностей, но и приобщение к цивилизованным «горожанам» в противовес колхозно-совхозной деревне. Это давало ощущение собственной значимости и демонстрировало своеобразный протест против сельской действительности.

Отрицательные реалии жизни советского общества не могли не проявиться в увеличении различных девиаций, которым в первую очередь были подвержены мужчины. Наркомания в деревенской среде стала явно проявляться только к середине 1980-х годов, и более серьезным социальным злом в рассматриваемый период было употребление алкоголя. В сельской местности это проявлялось в бытовом пьянстве, которое стало обязательной составляющей человеческого общения. Уровень алкоголизации дальневосточников вдвое превышал республиканские показатели. Официальная статистика свидетельствует о том, что в исследуемый период до 8 % всех расходов сельской семьи в регионе составляло приобретение алкоголя. Для сравнения: в 1984 году доля расходов на приобретение алкоголя в бюджетах семей жителей США составляла 1,4 %, в Великобритании – 2 % [23]. Деревенские жители (в первую очередь мужчины) массово употребляли кустарный алкоголь и жидкости, содержащие спирт, оценить объемы потребления которых крайне проблематично. Несмотря на то что дальневосточная сельская местность отличалась сравнительно низкой смертностью, ее уровень возрастал преимущественно за счет мужской части населения. Из 2841 человека, скончавшегося в сельской местности Приамурья в 1976 году, 61 % составляли мужчины [24]. Алкоголизация и вызванные ею заболевания, а

также отравления и несчастные случаи, были главными причинами низкой продолжительности жизни мужчин. Если женщина из амурского села, по данным 1979 года, проживала в среднем 70,5 года, то мужчина – 58,3 [25]. Мужская жизнь на селе была короче на 2,5 года в сравнении с городскими представителями «сильного» пола, что также косвенно было связано с алкоголем.

В редакции газет, партийные и советские органы власти поступали многочисленные письма неравнодушных людей с описаниями деградации сельского населения в целом, а в особенности его мужской составляющей. Особую обеспокоенность вызывало употребление алкоголя в рабочее время, что способствовало значительному падению трудовой дисциплины. Дорожно-транспортные происшествия, драки, убийства, кражи, изнасилования, совершенные под воздействием алкоголя, стали приметой времени. В сводках происшествий, публикуемых в газетах, часто описывались подобные случаи: «Водитель молоковоза С. Бирюков и скотник А. Павленко из колхоза «Герой труда» в рабочее время выпили водки и поехали по местной дороге. В итоге перевернулись. Павленко погиб» [26].

Борьба с алкоголизацией мужской части населения проводилась. Товарищеские суды, выговоры от руководства, угрозы увольнением, снижение разрядов, лишение премий и пропаганда здорового образа жизни давали определенный результат. Тем не менее он был явно недостаточным.

На селе оседала и численно росла группа инфантильных, малоквалифицированных и апатично настроенных людей. Амурчанин Сидоренко, обращаясь в областную газету, рассказывал о том, что «отдельные граждане ведут паразитический образ жизни, погрязнув в пьянстве, нигде не работают, занимаются попрошайничеством и вымогательством». Он отмечал: «Я часто бываю в селе Новинка. И каждый раз вижу у магазина сидящим или лежащим на земле всегда пьяного мужчину. Это Скрипаль Григорий Тимофеевич. Он уже 15 лет нигде не работает, живет на иждивении матери, получающей пенсию 28 рублей» [19].

Заключение. Таким образом, в рассматриваемый период положение мужчины в сельской местности Дальнего Востока РСФСР претерпело значительные изменения. Трансформация была обусловлена целым комплексом как объективных, так и субъективных причин, среди которых особую роль играли ускоренные модернизационные процессы, формирование «урбанизированного» сознания и неэффективность идеологической политики государства. «Сильный» пол постепенно переставал быть доминирующим, что проявлялось в повышении трудовой занятости женщин и изменении внутрисемейных ролей; все больше распространялись неформальные сожительства и стремление к необремененности личной жизни. Для мужчин на первый план выходили сугубо материальные аспекты жизни, достойная оплата труда и комфорт-

ность проживания. Значительная часть сел не отвечала растущим запросам мужской части, что к середине 1980-х годов проявилось в полной мере. Наиболее активные мужчины, молодые и квалифицированные работники, покидали аграрную сферу и сельскую местность, стремясь закрепиться в городской среде и несельскохозяйственных отраслях экономики. Перманентный процесс миграции мужчин не только деформировал гендерную структуру сельского населения, но и усиливал кадровые проблемы в аграрной сфере, способствовал увеличению группы апатично настроенных жителей, не стремящихся к развитию и склонных к неконтролируемому употреблению алкоголя, а в ближайшей перспективе приводил к повышению среднего возраста сельчан-дальневосточников.

Список источников

1. Крестьянство Дальнего Востока СССР в XIX – XX вв.: очерки истории / Под ред. А.И. Крушанова. Владивосток: ДВУ, 1991. 416 с.
2. Социально-экономические проблемы дальневосточного села. Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. 120 с.
3. *Гринько А.А.* Повседневность сельских жителей Дальнего Востока страны в период «позднего» социализма // Вектор науки ТГУ. 2018. №1 (43). С. 113–118.
4. *Герасимова Л.А.* Сельскохозяйственное переселение на юге Дальнего Востока, 1970–1980-е годы // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 78–89.
5. Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. Москва: Госкомстат РСФСР, 1990. 183 с.
6. Социально-демографические аспекты гендерного различия в Амурской области. Благовещенск: Амурский областной комитет госстатистики, 2000. 40 с.
7. *Гринько А.А.* Трансформация дальневосточной аграрной семьи в период «позднего» социализма // Вектор науки ТГУ. 2014. №4 (30). С. 89–93.
8. *Герасимова Л.А.* Сельскохозяйственное переселение... С. 78–89.
9. Амурская область в 1985 году: стат. сборник. Благовещенск: Статуправление, 1986. 243 с.
10. *Гринько А.А.* К вопросу о заработной плате сельчан-дальневосточников в период «позднего» социализма // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 87–89.
11. Женщины и мужчины в Амурской области: стат. сборник. Благовещенск: Амурский областной комитет госстатистики, 2000. 118 с.
12. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 719. Оп. 22. Д. 360. Л. 20; Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 131. Оп. 23. Д. 1. Л. 2.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 39. Д. 6634. Л. 175.
14. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 2. Миграционные вызовы и стратегии обеспечения социально-политической безопасности дальневосточных территорий / А.С. Ващук, А.В. Друзяка, Е.Н. Чернолуцкая [и др.]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 224 с.
15. Письма в редакцию // Амурская правда. 1985. 22 января (№18). С. 3.
16. Сельская дискотека // Амурская правда. 1981. 18 октября (№18). С. 3.
17. Растет благосостояние! // Амурская правда. 1976. 19 февраля (№41). С. 3.
18. Казьмин Г.Т., Тибекина А.Р. Развитие сельского хозяйства Дальнего Востока // Экономика сельского хозяйства. 1985. № 6. С. 40–46.
19. Письма в редакцию // Амурская правда. 1985. 28 мая (№ 123) С. 3.
20. По вашим письмам // Красное знамя. 1980. 8 мая (№ 114). С. 2.
21. Социально-политическое развитие дальневосточной деревни (советский период). Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. 116 с.
22. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 243. Л. 31.
23. Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л., Попов М.В. Антиалкогольные кампании и проблема пьянства в советский период: исторический аспект. Москва: Прогресс-Комплекс, 2014. 148 с.
24. Естественное и механическое движение населения Амурской области за 1977 г.: статистический сборник. Благовещенск: Статуправление, 1978. 21 с.
25. Женщины и мужчины в Амурской области...118 с.
26. Сломанные судьбы // Амурская правда. 1981. № 3. С. 3.

References

1. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR v XIX – XX vv.: ocherki istorii / Pod red. A.I. Krushanova. Vladivostok: DVU, 1991. 416 s.
2. Sotsial'no-ehkonomicheskie problemy dal'nevostochnogo sela. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1987. 120 s.
3. Grin'ko A.A. Povsednevnost' sel'skikh zhitelei Dal'nego Vostoka strany v period «pozdnego» sotsializma // Vektor nauki TGU. 2018. №1 (43). S. 113–118.
4. Gerasimova L.A. Sel'skokhozyaistvennoe pereselenie na yuge Dal'nego Vostoka, 1970–1980-e gody // Rossiya i ATR. 2005. № 2. S. 78–89.
5. Sibir' i Dal'nii Vostok: sotsial'noe razvitie. Moskva: Goskomstat RSFSR, 1990. 183 s.

6. Sotsial'no-demograficheskie aspekty gendernogo razlichiya v Amurskoi oblasti. Blagoveshchensk: Amurskii oblastnoi komitet gosstatistiki, 2000. 40 s.
7. *Grin'ko A.A.* Transformatsiya dal'nevostochnoi agrarnoi sem'i v period «pozdnego» sotsializma // *Vektor nauki TGU*. 2014. №4 (30). S. 89–93.
8. *Gerasimova L.A.* Sel'skokhozyaistvennoe pereseleniE... S. 78–89.
9. Amurskaya oblast' v 1985 godu: stat. sbornik. Blagoveshchensk: Statupravlenie, 1986. 243 s.
10. *Grin'ko A.A.* K voprosu o zarabotnoi plate sel'chan-dal'nevostochnikov v period «pozdnego» sotsializma // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2014. № 8. S. 87–89.
11. Zhenshchiny i muzhchiny v Amurskoi oblasti: stat. sbornik. Blagoveshchensk: Amurskii oblastnoi komitet gosstatistiki, 2000. 118 s.
12. Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKHK). F. 719. Op. 22. D. 360. L. 20; Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK). F. 131. Op. 23. D. 1. L. 2.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 374. Op. 39. D. 6634. L. 175.
14. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti rossiiskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 2. Migratsionnye vyzovy i strategii obespecheniya sotsial'no-politicheskoi bezopasnosti dal'nevostochnykh territorii / *A.S. Vashchuk, A.V. Druzyaka, E.N. Chernolutskaya* [i dr.]. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. 224 s.
15. Pis'ma v redaktsiyu // *Amurskaya pravda*. 1985. 22 yanvarya (№18). S. 3.
16. Sel'skaya diskoteka // *Amurskaya pravda*. 1981. 18 oktyabrya (№18). S. 3.
17. Rastet blagosostoyanie! // *Amurskaya pravda*. 1976. 19 fevralya (№41). S. 3.
18. *Kaz'min G.T., Tibekina A.R.* Razvitie sel'skogo khozyaistva Dal'nego Vostoka // *Ehkonomika sel'skogo khozyaistva*. 1985. № 6. S. 40–46.
19. Pis'ma v redaktsiyu // *Amurskaya pravda*. 1985. 28 maya (№ 123) S. 3.
20. Po vashim pis'mam // *Krasnoe znamya*. 1980. 8 maya (№ 114). S. 2.
21. Sotsial'no-politicheskoe razvitie dal'nevostochnoi derevni (sovetskii period). Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1984. 116 s.
22. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 591. Op. 1. D. 243. L. 31.
23. *Martyushov L.N., Martyushova I.L., Popov M.V.* Antialkogol'nye kampanii i problema p'yanstva v sovetskii period: istoricheskii aspekt. Moskva: Progress-Kompleks, 2014. 148 s.
24. Estestvennoe i mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya Amurskoi oblasti za 1977 g.: statisticheskii sbornik. Blagoveshchensk: Statupravlenie, 1978. 21 s.

25. Zhenshchiny i muzhchiny v Amurskoi oblastI...118 s.
26. Slomannye sud'by // Amurskaya pravda. 1981. № 3. S. 3.

Статья принята к публикации 17.11.2022 /
The article has been accepted for publication 17.11.2022

Информация об авторе:

Андрей Александрович Гринько, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук, доцент

Information about the author:

Andrey Alexandrovich Grinko, Associate Professor at the Department of Humanitarian Disciplines, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

